

И. В. Сохань

**«ДОЛОЙ КУХОННОЕ РАБСТВО!»:
К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ
СТРУКТУР БЫТА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х гг.**

В статье анализируется гендерный аспект революции быта как одной из приоритетных задач тоталитарной власти в Советской России 1920-х гг. Реформа гастрономических практик, традиционно объясняемая в исследовательской литературе социальными и экономическими задачами, имела под собой и иные серьезные основания онтологического характера — тоталитарная власть стремилась реализовать кормовую функцию, в принципе присущую всякой власти, абсолютным образом, целенаправленно отчуждая частный порядок осуществления гастрономических практик и связанного с ними частного желания-удовольствия у их архетипического автора — у женщины. Рассматривается феномен Л. Брик как апогей женской способности к производству желания в рамках тоталитарных структур жизни. С методологической точки зрения в статье обоснованно используется психоаналитический метод, персонологический подход и возможности философской концептуализации историко-культурологического материала.

Революционные преобразования повседневной жизни стали одной из главных целей в строительстве новой, коммунистической реальности в Советской России 1920-х гг. Трансформация структур быта проходила в рамках нового социального кода, когда все прошлое (дореволюционное) и буржуазное оценивалось сугубо негативно, а настоящее, рассматриваемое как площадка для вдохновляющих преобразований, и вот-вот наступающее светлое будущее представлялись как наилучшее и передовое¹, при этом объективные социальные проблемы считались пережитком буржуазного прошлого: в новой, коммунистической реальности, согласно социальному формату утопии, они должны были разрешиться сами собой. Магистральная линия переделывания повседневности состояла в движении от *частного к общему* — от индивидуального быта к его общественному эквиваленту, где практики быта, став рационализированными и сциентистскими, вытеснят в прошлое темную, природную сторону

© Сохань И. В., 2011

¹ Такой бинарный код новой реальности предполагал оппозицию старого, буржуазного как телесного и бессознательного, неразумного и неконтролируемого и нового, пролетарского как сознательного, разумного с абсолютно прозрачным и подконтрольным телесным габитусом. Стоит заметить, что побочный эффект реализации подобного социокультурного кода — это неизбежно возникаемый сток бессознательных и аффективных состояний, таких как чувство вины и страха, эксплуатируемое сталинским террором, и предел власти в реализации перверсивных потребностей своего бессознательного.

телесности, позволив состояться новой, абсолютно «культурной»² телесной идентичности пролетария. Учитывая статус повседневности как социального стока, сумерков культуры, где складываются ее маргинальные состояния, можно предположить, что крайнее овнешнение повседневной жизни через ее обобществление дает возможность максимально полного социального контроля над ней со стороны тоталитарной власти, которая именно посредством такого видоизменения структур быта делает всех граждан соглядатаями другом за другом, всех жителей — тюремщиками друг друга, а себе обеспечивает функцию онтологического источника жизни, подателя бытия.

Революция быта лишила домашнее пространство частного характера, переведя индивидуальные повседневные практики под неусыпное око общественного контроля, равно как и телесные функции, обеспечиваемые этими практиками. Идея коммун, столь популярная в 20-х гг., предполагала полную общность, открытость и доступность друг другу тел, которые потеряли свое индивидуальное звучание, — это неизбежно происходило в условиях общности пространства для сна, пищи — вещи, считающиеся личными, также теряли свой статус в данном качестве и становились объектами общественного пользования. Эта специфическая обнаженность человека, когда ему некуда укрыться на телесном уровне и его идентичность не артикулируется в персональных микрокоммуникациях с материальными артефактами его жизни, создает ситуацию доступности для любого манипулятивного влияния извне, для того, чтобы телесность и сознание мыслились социальным инструментарием власти, обеспечив действие принципа максимальной экономии индивидуального *желания* и, соответственно, максимальной интенсификации коллективного *желания*, репрезентированного как тоталитарная власть.

Нас интересует одна из основных структур повседневности — пища, поскольку именно преобразования в сфере практик ее потребления стали важнейшим средством формирования субъективности советского человека. Являясь базовой биологической потребностью человека, пища и все паттерны, связанные с ее выбором, приготовлением, потреблением и т. д., в ходе истории подвергались сложному культурному кодированию, благодаря чему можно утверждать, что всякий акт трапезы есть способ установления и подтверждения индивидуальной и социокультурной идентичности человека; и именно поэтому сами гастрономические практики могут быть эффективным инструментом кон-

² Ш. Фицпатрик (автор работ «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» и «Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня») отмечает, что идея культурности, которую советская власть дала своим гражданам, была крайне популярна в указанные годы — даже в повседневном дискурсе, в обыденной речи она артикулировалась для подчеркивания особого действия, совершаемого осознанно: «поступить культурно», «культурно пообедать», «культурно сходить в кино». Ш. Фицпатрик включает идею культурности в систему советских мифологем, которыми общество было перенасыщено [7]. А. Жид в «Возвращении из СССР» высказывает непосредственное удивление по поводу способности советского человека жить методом соцреализма в буквальном смысле, т. е. видеть реальность не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть в коммунистическом будущем [4].

струирования не только телесности человека, но и определенного формата его сознания и мировоззрения³.

Учитывая традиционный статус женщины как хозяйки повседневного пространства и хранительницы очага⁴, «автора и инициатора» гастрономических практик, можно не удивляться, сколько усилий было направлено на изменение ее привычного гендерного статуса и в целом на реализацию новой, советской гендерной политики, одно из направлений которой выражено знаменитым лозунгом «Долой кухонное рабство!» Частное пространство трапезы рассматривалось как буржуазный пережиток, отвлекающий женщину от той общественно полезной работы, которую она могла бы делать. Связь женщины с кухней, домашним очагом и приготовляемой там пищей носит архетипический характер, но в рамках строительства нового быта привычная гендерная симметрия должна была быть разрушена, и это случилось как на уровне вынужденного выбора самих женщин, так и на пропагандистко-декларативном уровне. Действительно, утрата традиционной половой идентичности, превращение женщины в товарища, пригодного к классово-политической борьбе и строительству коммунизма, непременно должно было включать в себя преодоление архетипических женских характеристик, в том числе и разрушение связи женщины и домашнего очага: находясь дома, готовя домашнюю еду, женщина выступала агентом формирования частных характеристик габитуса человека; теперь же функцию формирования габитуса, частные проявления которого совпадали бы с общественными требованиями, взяло на себя государство, поэтому женщина в короткое время должна была пройти путь «от плиты к книге» — от частной плиты как бессознательного пространства к четкому артикулированному идеологическому дискурсу своего существования (идея революционных преобразований быта возникла не в одночасье, ей предшествовало женское движение, набравшее силу в самом начале XX в. и сформулировавшее необходимость освобождения женщины от оков повседневности и включения ее в общественное производство — только в этом случае, целиком возложив заботу о своем существовании на свои плечи, преодолев свою обслуживающую роль, женщина могла встать на путь личностного развития).

Женщина как носитель наименее легитимных качеств телесности, чье влияние на культуру в традиционном мире всегда было возможно преимущественно как влияние на низовые, повседневные формы культуры, должна была быть выведена за рамки повседневности посредством включения в активный общественный труд, как и повседневность должна была быть сведена к прозрачной, подконтрольной, свободной от роли «кладовой» частных практик су-

³ Связь пищеварительных и ментальных паттернов с психоаналитической точки зрения исследована Ф. Перлзом [6].

⁴ Как пишет М. В. Добровольская, еще в период овладения огнем, т. е. первичного акта культурного кодирования трапезы, что обусловило телесную и метафизическую модификацию человека и появление новых, уже надприродных форм социального родства, установилась определенная гендерная симметрия, при которой женщина является хозяйкой огня (следовательно, автором приготовленной на нем пищи), хранительницей очага и домашнего пространства; а мужчина — охотником, защитником, автором внешних коммуникационных действий [1].

ществования. Посредством такого идеологического дискурса женщина мыслилась агентом прошлого, темного мира, т. к. именно женщина традиционно воспроизводила повседневные практики жизни, актуальные и универсальные для любой социальной и политической реальности. Поэтому тоталитарная власть, продолжая утопическую традицию, не остановилась только на средствах влияния на сознание человека, но обратилась к преобразованию его частного телесного пространства. Так, внедрение системы общепита во многом было обусловлено перестройкой устоявшейся системы гендерных отношений, когда женщине наравне с мужчиной присваивался статус активного субъекта труда и полноправного участника строительства новой жизни.

Исправление традиционной гендерной симметрии, которое шло по принципу рационализации существования, следовательно, рационализации всех женских (традиционно повседневных) практик жизни, привело к возникновению некоей унифицированной модели пола⁵ и гендерной идентичности, когда социальная роль женщины и мужчины мыслилась одинаково, однако делалась некоторая скидка на биологические признаки пола⁶.

Реформа кухни в рамках революции быта предполагала, как уже было упомянуто, прежде всего обобществление трапезы, основными результатами которого можно считать: 1) усиление уз социального родства через массовое сотрапезничество, что, несомненно, способствовало укреплению коллективного тела; 2) эксплуатацию такого формата трапезы, как *пир*, где происходит не только массовое праздничное со-разделение еды, но и осуществляется жертва, — мотив жертвы весьма характерен для тоталитарной стройки, когда каждый жертвует своей жизнью, индивидуальностью, здоровьем и во имя светлого будущего и гигантских планов⁷.

Обобществление трапезы неизбежно ставит вопрос о том, кто же в таком случае станет ее автором? Официальный дискурс устранения женщины из тоталитарной кухни на первый взгляд ясен — освобожденная от кухонного рабства женщина строит социализм, занимается общественно полезным трудом, что совпадает с ее саморазвитием. Специалисты по пролетарской культуре еды М. Зарина и П. Кожаный дискутируют на страницах журнала «Работница» 1920-х гг., отмечая, что изготовление пищи гораздо производительнее, если она готовится в общей столовой для 50 семей, нежели частной хозяйкой для одной семьи. Сейчас мы вполне можем улыбнуться на подобные утверждения, ведь качество приготовленной еды включает в себя далеко не только ее объемы

⁵ Можно утверждать — особого, пролетарского пола.

⁶ В частности, сталинская социальная политика, касавшаяся материнских функций женщины, всячески поощряла ее репродуктивную роль, однако, как это вообще характерно для тоталитаризма, дети мыслились не в контексте частной семьи, а выступали результатом союза женщины и власти.

⁷ Отличие традиционного дискурса пира от его варианта как тоталитарной трапезы в том, что жертва участника традиционного пира заключается в жертвовании телесным здоровьем и разумным состоянием сознания ради трансцендирующего эффекта единения; в то время как на тоталитарный пир участник приходит, уже пожертвовав своей индивидуальностью, собой как персональностью — в рамках дисциплинарных форм тоталитарной повседневности его жертва уже предуготована.

вкупе с выверенностью рецептуры, однако для данного времени такой подход представлялся передовым — помимо своей лаконичной рациональности, он основывался на принципе максимальной экономии материальных (продукты) и энергетических (труд повара) ресурсов, которые нужны стране для более важных целей. Также не оставлен без внимания М. Зариной⁸ экономический эффект общественного питания — мелкие лавочки, где хозяйки покупают продукты, качество которых зачастую фальсифицировано страждущими наживы предпринимателями и продавцами, теперь оказываются просто ненужными: продукты попадают в общественную столовую непосредственно от производителя и под неусыпным контролем государства (эффект экономии очевиден и здесь — все виды экономии ведут в конечном счете к экономии *желания*).

Немаловажным принципом для отчуждения способности и возможности *желать* в пользу тоталитарной власти был принцип приоритета полезности еды перед получением удовольствия от пищи. В дискуссиях касательно организации общественного питания, обустройства пищевых или харчевых фабрик (т. е. столовых — в тезаурусе того времени) речь идет преимущественно о чистоте как втором важнейшем, после рациональности, гастрономическом принципе. В совокупности, поняты максимализованно, эти принципы приближали трапезу к медицинской процедуре, предпринимаемой для поддержания жизни тела, и, несомненно, функционализировали телесность, в том числе и для ее носителя, — такая функционализированная телесность с гораздо большей легкостью могла восприниматься как *жертвенное тело*, что представляется весьма актуальным для тоталитарных задач. У жертвенного тела, чтобы оно могло состояться как таковое, отчуждались все его женские характеристики, традиционно представленные в культуре как наименее легитимные, связанные с темной, природной, бессознательной стороной телесности, с ее способностью выражать *желание*.

В избавлении женщины от кухонного рабства скрыто представлены цели и результаты, может быть, более важные, нежели включение в общественное производство, а именно то, что по мере выведения женщины за пределы кухни ее место там занимала тоталитарная власть с целью непосредственного инсталлирования в телесное пространство человека органов тоталитарного контроля. Во-первых, власть полностью контролировала распределение продуктов согласно общественной пользе от индивида⁹, ставя в прямую зависимость содержимое тарелки и желудка не только от объема труда, но и от лояльности режиму и преданности коммунистическим идеалам¹⁰; во-вторых, неизбежно возни-

⁸ Статьи М. Зариной «Фальсификации съестных продуктов и средства борьбы с ними» (Работница. 1923. № 11), «Строительство народного питания» (Работница. 1924. № 6) и др.

⁹ «Кто не работает — тот не ест», этот лозунг в контексте эпохи следует понимать самым буквальным образом, т. к. возможность *есть* была только у того, кто вносил существенный вклад в общественное строительство. С самого начала 1920-х гг. этот принцип только смутно формировался, окончательно же, как социальный механизм распределения еды, он стал актуален уже после НЭПа.

¹⁰ Подобная зависимость в исторических исследованиях получила название «кормовая функция власти».

кающие в таких условиях практики добывания (доставания) продуктов¹¹ (посредством связей, очередей и т. д.) могут позиционироваться как особые гастрономические практики¹² и являются своеобразным стоком социальной активности, жестко регламентируемой в рамках тоталитарного режима; в третьих, выступая подателем пищи (начиная от продуктов и заканчивая организацией питания), тоталитарная власть реализовывала отнятую у женщины способность влияния на Другого посредством своего *желания*, записанного в пище как в том, что из внешнетелесного станет внутрителесным и окажет воздействие на само качество жизни¹³. Таким образом, инсталлированные в телесность советского гражданина посредством контроля над его культурой еды *желания* тоталитарной власти не оставляли возможностей для его собственных *желаний*, в конечном счете обеспечив известными темпами развития науки и экономики советского государства.

И. Жеребкина, анализируя женскую сексуальность в эпоху сталинского террора на примере совершенно нетипичной ни для эпохи, ни для русской ментальности модели женской субъективности, представленной в лице Л. Брик, сравнивает беспредельную способность Лили к производству *желания* и такую же по интенсивности способность тоталитарной власти производить *желание*, являющееся «нарушением “нормального” желания, которое недоступно ординарной субъективности» [3, с. 93].

Но в этом сравнении Л. Брик «обыграла» и Сталина, который... не выдержал метафизической точки исполнения желания... Лиля парадоксальным образом не зависит и от этого, строя свой быт и жизнь в невероятной ситуации вечной сексуальности и вечной красоты — как не зависит и от смерти» [2, с. 212]. Ключевым здесь является «быт» — биография Л. Брик богата фактами, раскрывающими ее повседневные практики, которые отличались постоянством и изобильностью¹⁴ — и это при общей социально-экономической ситуации, когда в повседневной жизни насаждались принципы жесткой экономии, и, как было сказано выше, прежде всего экономии *желания*. А *желание* Л. Брик при этом интенсивно артикулировалось в бытовых практиках, абсолютно противоположных бытовой политике власти.

Фигура Л. Брик носит иллюстративный характер для понимания самого механизма *желания*: «Женское желающее тело вызывает отступление другого желания — произвола Советской власти вне всякой законности, парадоксальным образом признавая индивидуальное “наглое” желание выживания достойным права на

¹¹ Как, впрочем, и многих остальных вещей.

¹² Гастрономическими мы их можем назвать потому, что они задают особый формат отношения человека к пище.

¹³ Расхожая поговорка «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок» вполне справедлива именно в этом ключе — *желание* женщины влияет на мужчину на самом непосредственном внутрителесном уровне. В отношении тоталитарной власти как женщины и народа как мужчины используемый механизм тоталитарного гастрономического контроля абсолютно идентичен — *желания* власти реализуются усилиями кормимого ею народа.

¹⁴ Известно (по материалам биографов), что Л. Брик покупала одежду в Париже, много путешествовала, любила и всегда имела к своему столу изысканную еду.

существование. На уровне бессознательного это были желания одного уровня — вне запретов и ограничений. Поэтому они и чтити друг друга» [2, с. 199].

Так советская (тоталитарная) власть, изъяв женщину из бытовой сферы, прежде всего гастрономической, произвела процедуру отчуждения *желания* в свою пользу, тем самым многократно усилив себя, реализуя в дальнейшем сформировавшуюся таким образом избыточность своего желания, а обычного человека сделав заложником вины за любые свои частные проявления, т. к. основной дискурс его существования должен был сводиться к способности следовать чужому желанию и реализовывать его. Однако мы наблюдаем определенный парадокс — выведя за рамки повседневности женщину, обеспечивая ей сходную с мужской конструкцию идентичности, тоталитарная власть занимает место женщины через практики предельной рационализации повседневности, которые являются мужскими в рамках традиционного гендерного кодирования культуры. В обществе, где все рационализировано, даже повседневность, частной жизни человека негде происходить, более того, частные проявления обязательно связаны с комплексом вины перед обществом¹⁵. Именно бинарность *вины* за свое частное *желание*, возникающее вопреки не оставляющим места этому *желанию* дисциплинарным пространствам советской повседневности, с одной стороны; и беспредельного *желания* тоталитарной власти, которое может реализовываться в своих самых перверсивных вариантах, с другой стороны; эта бинарность являлась базовой структурой коллективного бессознательного той эпохи, а также является базовой структурой для тоталитарных коммуникаций вообще.

Возвращение женщине авторства хозяйки домашнего очага частично и символически произошло на страницах «Книги о вкусной и здоровой пище», первое издание которой состоялось в 1939 г. [5] и которую можно назвать своеобразной гастрономической мифологией советского человека, ибо культура еды, запечатленная в ней, к реальной жизни граждан не имела отношения. Тем не менее само появление такого издания было очень важной вехой — в определенной степени становление тоталитарной культуры еды достигло своего апогея и по крайней мере женская роль хозяйки, готовящей еду для близких, была слабо, но артикулирована в социальном пространстве. Однако сам дискурс книги построен на передаче знаний о еде, которыми обладает советская власть, частной хозяйке, рецепты сопровождаются рассказами о достижениях пищевой индустрии социализма, являющейся опорой гастрономических практик советского человека. Так, мы наблюдаем процесс отчуждения традиционного гастрономического авторства у женщины посредством особой гендерной политики, повлекший за собой обобществление кухни и выталкивание женщины в социальную жизнь, присвоение ей, наряду с мужчиной, важной роли строителя коммунизма; затем, после закрепления этой роли и более-менее устоявшихся в социальной жизни соответствующих бытовых практик, происходит постепенное возвращение женщины в повседневную жизнь, которое означает возвращение столь необходимых для нормального существования культурного и социального про-

¹⁵ Поэтому террор при тоталитаризме неизбежен — у каждого человека есть своя вина (онтологического характера), которая должна быть артикулирована в физическом воздействии на его тело через пытки, мучения и смерть в конечном итоге.

странств повседневных форм жизни. Хронологически процессы такого возвращения связаны с завершением сталинской эпохи — недаром исследователи традиционно ссылаются не на первое издание «Книги о вкусной и здоровой пище» 1939 г., а на ее второе издание 1953 г. — года смерти Сталина.

Библиографический список

1. *Добровольская М. В.* Человек и его пища. М. : Науч. мир, 2005. 367 с.
2. *Жеребкина И.* Лиля Брик: женская сексуальность в эпоху сталинской эпохи // Гендер. исслед. 1999. № 3. С. 187—213.
3. *Жеребкина И.* К вопросу о мужской сексуальности в эпоху сталинского тоталитаризма // Там же. 2006. № 14. С. 93—115.
4. *Жид А.* Возвращение из СССР // Два взгляда из-за рубежа : пер. М. : Политиздат, 1990. С. 62—163.
5. Книга о вкусной и здоровой пище. М. : Пищепромиздат, 1939. 435 с.
6. *Перлз Ф.* Эго, голод и агрессия. М. : Смысл, 2000. 368 с.
7. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. : РОССПЭН, 2001. 336 с.

ББК 60.542.2

Ю. С. Задворнова

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ

В России, как и во многих развитых странах мира, семья как социальный институт претерпевает глубокие изменения. Большинство современных ученых, основываясь на эмпирических, а также демографических данных, делают вывод о том, что институт семьи в современном российском обществе находится в состоянии кризиса, поскольку он не выполняет своих основных функций, прежде всего в области рождения и воспитания детей. К таким исследователям следует отнести А. И. Антонова, В. М. Медкова, Т. А. Репину, В. И. Якунина. Другие ученые (В. Б. Голофаст, С. И. Голод и А. А. Клецин) придерживаются принципиально иного подхода к оценкам изменений в функционировании института семьи. По их мнению, семья как социальный институт в России сохранилась, но изменились ее структура, гендерные отношения и разделяемые гендерные роли, что обусловлено объективными процессами, происходившими в стране и мире на протяжении XX в.

Вместе с тем семья — центр формирования гендерных отношений, через нее транслируются следующим поколениям представления о женственности и